

Сферы привязанности

Думаю, я согласен со всеми доводами Марты Нуссбаум относительно «космополитического образования»; они весьма разумны и здравы. Менее убедительным мне кажется ее общее мировоззрение — возможно, потому что я не гражданин мира, каким ей хотелось бы, чтобы я был. Я даже не знаю о существовании такого мира, гражданином которого можно быть. Никто и никогда не предлагал мне гражданства, не описывал процесса его принятия, не включал меня в институциональные структуры мира, не объяснял мне процедур принятия решений (надеюсь, что они демократические), не предъявлял мне перечня прав и обязанностей гражданина и не показывал мне календаря мира с общими праздниками и днями поминовения для его граждан. Я совершенно ничего об этом не знаю; и хотя космополитическое образование было бы весьма неплохой вещью, из объяснения Нуссбаум мне непонятно, каким вещам, которые должен знать каждый гражданин мира, оно может меня научить. Но оно может научить меня вещам, которые должны знать граждане Америки: разве этого недостаточно? Разве я не могу быть космополитичным американцем (наряду со всеми остальными моими идентичностями)? У меня есть привязанности, которые не ограничиваются нашей или любой другой страной, к другим евреям или, скажем, к социал-демократам во всем мире или к людям, находящимся в сложном положении в других странах, но это не гражданские привязанности.

Предложенный Нуссбаум образ концентрических кругов намного полезнее ее идеи мирового гражданства — именно потому, что он показывает, насколько нелепо требовать от меня фундаментальной привязанности к самому далекому кругу. Мои привязанности, как и мои отношения, начинаются в центре. Отсюда необходимость описания промежуточных положений, прохождение через которые позволяет осознать ценность других. И сделать это не так просто; для этого требуется конкретное, сочувственное, заинтересованное, но не полностью ангажированное, объяснение внутренних кругов, а потом не так сложно будет притянуть самый далекий круг, чтобы открыть внутренние. Я бы прочел строчку из Плутарха, которую цитирует Нуссбаум, в качестве такого начала: нам следует считать «всех людей своими земляками и согражданами». То есть мы начинаем, понимая, что значит иметь земляков и сограждан; без этого понимания мы морально потеряны. Затем мы расширяем чувство морального землячества и общего гражданства на новые груп-

пы людей и в конечном итоге на все человечество. Космополит у Нуссбаум работает по аналогии, считая кого-то кем-то. Несомненно, привязанности и обязательства ослабляются по мере расширения, но расширение по-прежнему остается ценным, и в этом, на мой взгляд, состоит ценность «космополитического образования».

Подозреваю, что Нуссбаум хочет чего-то большего, чем это, и меня несколько удивляет самонадеянность ее космополитических убеждений. Она быстро распознает шовинистический потенциал в патриотизме Ричарда Рорти и выражает обеспокоенность тем, что он не предлагает ничего, что позволило бы справиться с этой «очевидной опасностью». Не следует ли ее читателям выразить обеспокоенность тем, что она не предлагает ничего для того, чтобы справиться с очевидными опасностями космополитизма? Преступления в XX веке совершались как извращенными патриотами, так и извращенными космополитами. И если фашизм представляет первое из этих извращений, то коммунизм, в его ленинистской и маоистской версиях, представляет второе. Разве репрессивный коммунизм — это не дитя универсализации Просвещения? Разве он не учит антинационалистической этике, указывая нашу основную привязанность (классовые границы, «пролетарии всех стран», считались временными и инструментальными), как и Нуссбаум? Партикуляризм, который исключает более широкую лояльность, поощряет аморальное поведение, но так поступает и космополитизм, отвергая более узкую лояльность. И то, и другое опасно; спор нужно вести в иных терминах.